

ТРАГИЧЕСКИЕ ПИСЬМА БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Яков Симкин

Трагические письма пишутся редко, ещё реже их печатают. Каждое такое письмо – это крик души отчаявшегося человека. У Бориса Пастернака несколько трагических писем. Они писались им в последние месяцы жизни, когда он почувствовал и увидел, что после вынужденного отказа от Нобелевской премии, которую он ждал много лет, в его судьбе ничего не изменилось.

На протяжении десятилетий после его смерти ни одно из этих писем не публиковалось. Только недавно в журнале «Новый мир» были напечатаны 45 его писем французской переводчице романа «Доктор Живаго» Жаклин де Пруди, а также - двоюродной сестре профессора Ленинградского университета О.Файнберг, пианистке М.Юдиной, итальянскому издателю Д.Фетронелли. Они дают возможность глубже понять убеждения, творчество и характер Пастернака. Кроме того, письма дают возможность поставить под сомнение всевозможные фальсификации легенд и мифов о Пастернаке в мемуарах и статьях о нём.

В феврале 2007 года в газете «Новое Русское Слово» была опубликована статья «Нобелевская торпеда», излагающая содержание доклада сотрудника радио «Свобода» Ивана Толстого в Москве в Библиотеке иностранной литературы. Докладчик сообщил о своих сенсационных открытиях. После того, как Пастернаку было отказано печатать роман «Доктор Живаго» в двух советских журналах и издательствах, он начал интенсивно искать какое-нибудь иностранное издательство. Нашёл он такое издательство в Италии и отправил туда свою рукопись с американским дипломатом. Во время полёта агент ЦРУ незаметно выкрал её из чемодана дипломата. Тут же в самолёте он снял с неё ксерокопию и привёз в Америку. Здесь она оказалась весьма кстати: шла «холодная война» между Америкой и Советским Союзом. Роман «Доктор Живаго» мог показать, что в СССР после XX съезда Коммунистической партии по-прежнему нет демократии и свободы творчества. Отрывки из романа появились в периодической печати, и лишь затем в Италии роман был полностью опубликован на русском языке.

Не будем гадать, как агент ЦРУ нашёл чемодан дипломата в багаже самолёта, как он незаметно снял ксерокопию рукописи, а спросим только, откуда он узнал о решении Пастернака, когда и с кем отправить рукопись в Италию. Замысел был в тайне даже от самых близких людей.

Перечислять ещё какие-нибудь «открытия» Толстого не будем. Обратим внимание лишь на одно утверждение. По его мнению, Нобелевскую премию Пастернак получил благодаря усилиям ЦРУ чуть ли не за взятку, поскольку Америка была заинтересована в том, чтобы криминальный для советской власти писатель получил её из Шведской Академии наук – организации, известной всему миру и придерживающейся нейтральной политики.

На самом деле, судя по переписке, всё обстояло иначе. В Москве давно распространялись слухи, что Пастернак вот-вот получит Нобелевскую премию. В ЦК партии эти слухи тревоги не вызывали. Пастернак опубликовал сотни превосходных лирико-философских стихотворений и поэм, издал несколько книг, консультировал по некоторым вопросам литературной политики видных деятелей государства. Сам И.В.Сталин лично звонил ему по телефону после того, как ознакомился с памфлетом О.Мандельштама «Кремлёвский горец». Спрашивал о таланте поэта. Возможно, характеристика Пастернака спасла Мандельштама от казни.

О.Файнберг в 1954 году писала ему из Ленинграда: «У нас идёт слух, что ты получил Нобелевскую премию. Правда ли это?» Он ответил: «Я, скорее, опасаясь, как бы сплетни не стали правдой. У меня до сих пор не дописан роман». Выходит, он связывал получение премии с публикацией романа, а не только с поэзией.

Он долго не решался оповестить общественность о работе над романом. Только в 1947 году он обратился к М.Юдиной с просьбой организовать у неё дома чтение отрывков из романа для сведущих и авторитетных людей. У неё была однокомнатная квартира, в которой половину занимал рояль. Список возможных кандидатов был согласован с Пастернаком. В него вошли три академика – Д.Петрушевский, В.Весенин и Б.Делоне; три профессора – А.Алпатов, Б.Томашевский и М.Бахтин; два писателя – Л.Чуковская и Ю.Селью; один генерал – Б.Геращенко. Читал рукопись Пастернак. Обсуждения почти не было. В комнате было жарко и душно, все устали, однако Юдина на следующий день после чтения написала Пастернаку: «7 февраля 1947 г. Я увидела в романе Ваш поворот к христианству». При этом она, называя стихотворение «Рождественская звезда», говорила о том, что Пастернак плохо знает христианские ритуалы и допустил в романе много фактических ошибок. Пианистка Мария Юдина была еврейкой, принявшей христианскую религию и желающей, чтобы Пастернак пошёл по её пути. Он был несколько смущён её наблюдениями и выводом. Ответил, как бы извиняясь, что читал «Рождественскую звезду» «потным, хриплым голосом. Это придало «Звезде» дополнительный драматизм, без которого она Вам понравится гораздо меньше, Вы увидите». Пастернак, возможно, не хотел огорчать Юдину. Впоследствии о его приверженности христианству спрашивали и другие корреспонденты, в том числе чаще других – Жаклин. Пастернак уклонялся от прямого ответа. Написал Жаклин, что не хочет информировать её ни о религиозных убеждениях, ни о своих женитьбах, ни о приверженности привычкам.

Знание нравов того времени? Трудно ответить на такое предположение. Даже видимости ответа на этот вопрос в письмах нет. Такая ситуация позволяет некоторым исследователям его творчества и личности как-то опорочить репутацию Пастернака.

Воспоминания О.Ивлиной, близкого писателю человека в последние годы его жизни, не являются исключением. В книге воспоминаний о Пастернаке она пытается всеми доступными ей средствами сказать об их любви. Во многих случаях её поджидает неудача. Если он в точности следовал её оболъщению, оставив семью и уйдя из дома к ней, он лишается ореола честного человека и того очарования, которым щедро обладал. Всё было гораздо сложнее.

Правда, судя по книге «Б. Пастернак в воспоминаниях современников», некоторые авторы пытаются по-новому подойти к его личности, используя письма. Среди них - 45 писем к Жаклин. Некоторые из них трагичны.

После того, как с рукописью романа ознакомились в редакции журнала «Знамя», её тут же отнесли в ЦК партии. Через короткое время Пастернак был приглашён Секретарём ЦК М.Сусловым, который сказал, что такой роман как «Доктор Живаго» может быть опубликован в Советском Союзе не раньше, чем через 200 лет.

Пастернак не стал ждать «обещаний» Суслова. Он начал интенсивно искать издания книги за рубежом. Тем более, что ему сообщили из Нобелевского комитета, что без издания книги на русском языке его кандидатура не может быть рассмотрена на заседании, хотя чешский писатель, лауреат Нобелевской премии А. Камил, выдвинувший его на награду, настаивал на этом.

Летом 1956 года Пастернак заключил издательский договор с итальянцем Фетронелли. Узнав об этом, партийная элита всполошилась. В Милан была срочно направлена делегация советских писателей во главе с поэтом А.Сурковым с целью уговорить его не печатать книгу. К переговорам был подключён первый секретарь компартии Италии П. Тольятти. Фетронелли рукопись не отдал, но с её изданием медлил. Как коммунист, он опасался разрыва отношений с партией.

Пастернак не знал о предубеждениях издателя и в письмах уговаривал отправить рукопись в набор. Когда же от Жаклин узнал истоки промедления, стал ещё более настойчивым и нетерпимым. Наконец, в 1957 году книга была опубликована, и Пастернак был удостоен Нобелевской премии (1958 год). На радостях он отправил в Шведскую Академию очень тёплую телеграмму с благодарностью за честь.

Когда в ЦК партии до конца разобрались с произошедшим, Н.Хрущёв произнёс так называемую «речь о писателе», в которой, кроме бранных слов, ничего не было. Началась свистопляска вокруг Пастернака. Почти никто в стране не читал и не видел роман, но на собраниях, митингах, совещаниях, в прессе все в один голос осуждали Пастернака и требовали чуть ли не четвертовать его.

Глубокой осенью 1958 года автор со студентами Среднеазиатского университета был на сборе урожая хлопка в одном из колхозов Ташкентской области. Низкие тучи заволокли небо над полями. Приехал секретарь парткома университета В.Чечелев. Тут же сказал автору, что нужно срочно провести собрание со студентами и осудить Пастернака в своем докладе о «Докторе Живаго». Почти застенчиво, снисходительно отказался, ссылаясь на то, что не знаком с содержанием книги. Тогда услышал от него: – Вы что – не читали газету «Правда»? В её статье дана партийная оценка преступления Пастернака.

Заметьте, не объективная, а партийная. Вероятно, таким же критерием руководствовались те, кто публично и громко осуждал роман.

Так или иначе, опасаясь угроз быть высланным из страны, в покаянных письмах с отказом от премии Пастернак стремился спасти себя, хотя чувствовал себя оболганным и униженным. 6 ноября 1958 года, вскоре после начатой против него в «Правде» кампании, он написал: «Как всё происшедшее со мною было естественным следствием совершённых мною поступков, так и отказ от премии». Обратите внимание на стиль этой фразы: ничего от стиля прозы и публицистики писателя в ней нет.

В литературе о Пастернаке высказывается предположение, что письмо писал не он. Находясь в очень трудном психологическом состоянии, не читая, подписал документ. Его опасения быть депортированным за рубеж были не напрасны. Так власти поступили через несколько лет со вторым лауреатом Нобелевской премии А.Солженицыным.

Поспешно отказавшись от премии, Пастернак на короткое время успокоился, сохраняя в глубине души надежду получить её. Писал Жаклин, что ему хотелось бы, чтобы она приняла участие в церемонии выдачи ему премии и сказала ответную речь, обращённую к королю Швеции. Тем самым становится ясно, каким *добровольным* был отказ от премии.

После того, как беда как будто миновала его, он начал писать пьесу. В переписке с Жаклин Пастернак вернулся к обсуждению особенностей перевода романа на французский язык, избегал политических вопросов и рассказывал о том, что работает над переводами драматургии и поэзии на русский язык, оригинальных стихов не пишет... Общая канва переписки того времени не даёт возможности вскрыть его действительное настроение. Однако в последнее время в печати появился ряд материалов о встречах и беседах с ним после отказа от премии.

Несмотря на то, что ему запретили встречи с иностранными журналистами, некоторые из них проникли в дом Пастернака. Среди них был немецкий журналист Хайнине Шеве. Впоследствии Пастернак писал, что после вопроса о его жизни он сказал в сжатой форме, что в его судьбе ничего не произошло. Любопытство журналиста не было вознаграждено. Пастернак очень стойко сопротивлялся попыткам влезть в его душу. Не хотел встреч даже со старыми друзьями после того, как писатель К.Федин сказал ему, что отказом от премии он спас престиж советской литературы.

Рассчитывать на то, что ему дадут возможность печатать свои произведения в Советском Союзе, выезжать за границу, получать гонорары из иностранных издательств он не мог. Его пригласили во Францию для участия в толстовских чтениях. В выезде отказали. Он жил в центре Москвы, как в глуши. Когда понял, что это тупик, 17 февраля 1960 года он написал Жаклин: «Если я мог бы решать, я согласился бы зависеть от Фетронелли в тысячу раз больше, лишь бы не быть рабом Никиты Хрущёва. Я хочу, когда умру, чтобы он (Фетронелли) выкупил даже за большие деньги моё тело у советской власти и похоронил в Милане».

Через несколько месяцев Пастернак умер. Его похоронили в Московской области в посёлке Переделкино (в июле 2007 года над могилой надругались – *Ред.*). В очень кратком сообщении о его смерти было сказано, что умер член Литературного фонда, а не писатель - Борис Пастернак. В Союзе писателей он не был восстановлен.

Через десятки лет при реставрации ограды на его могиле обнаружили аппараты подслушивания: не то опасались голоса из могилы, или, скорее, хотели знать содержание разговоров у памятника писателю. Власть того времени была бдительной, мстительной и злопамятной.

Роман «Доктор Живаго» в СССР был впервые опубликован в 1988 году, то есть через 31 год после публикации в Италии (в 1957-м году).

Источники

1. Русские писатели XX века. Библиографический словарь, т.1, М., Просвещение, 1999, с. 171.
2. Дмитрий Быков. Борис Пастернак. Жизнь замечательных людей. М., Молодая Гвардия. 2005.
3. Юрий Безелянский. Борис Пастернак: «У времени в плену». www.peoples.ru
4. Лауреаты Нобелевской премии. Энциклопедия. Пер. с англ. – М., Прогресс, 1992.
5. Нобелевская премия Бориса Пастернака (воспоминания сына). НиТ, 2001.
6. Б.Л. Пастернак. Полное собрание сочинений в 11 тт. Тома VII, VIII, IX, X (письма). – N.Y.: «СЛОВО/ SLOVO», 2005.